

УДК 821.161.1.091

А. В. Чоботько

В. Розанов и Н. Гоголь: причины творческого антагонизма
Статья I

У статті розглядається проблема несприйняття Розановим особистості та творчого доробку Гоголя.

Ключові слова: Розанов, Гоголь, світогляд, християнство, релігія, Бог.

В статье рассматривается проблема невосприятия Розановым личности и творческого наследия Гоголя.

Ключевые слова: Розанов, Гоголь, мировоззрение, христианство, религия, Бог.

The problem of non-perception of Gogol's personality and creative heritage by Rozanov is targeted in the article.

Key words: Rozanov, Gogol, worldview, Christianity, religion, God.

Образ В. Розанова как личности и как писателя, ставший легендарным уже при жизни самого мыслителя, целые десятилетия оставался закрытым не только для филологических исследований, но и для простого упоминания в печати. И только в конце XX века литературоведение как бы заново начало осмыслять место В. Розанова в истории русской литературы и культуры начала прошлого столетия, определяя его как одну из центральных фигур в литературной жизни России того времени.

В. Розанов как мыслитель по своей природе импрессионистичен. Он был писателем, пытавшимся отразить "мимолетное", мельчайшие "паутинки быта", которые в разные моменты "состояния души", в разные моменты бытия были разными. Самого В. Розанова можно вправо назвать апологетом "ассистемности", постоянно выдвигавшим во главу угла принцип последовательной непоследовательности. Этот принцип играл чуть ли не ведущую роль в его художественном и публицистическом творчестве, выступая в качестве своеобразного эстетического кредо писателя, являясь его своеобразной визитной карточкой. Произведения В. Розанова – продукт его метафорического мышления, для которого "противоречия естественны, а нормы логической согласованности недействительны" [1]. Рационалистическая критика применительно к В. Розанову

абсолютно неприемлема. Более того, как отмечает Вик. Ерофеев, "доказывать всякий раз его внутреннюю противоречивость столь же непродуктивно, сколь осуждать поэта за то, что после восторженного гимна любви он пишет стихотворение с нотками очевидного цинизма" [2].

Современник В. Розанова, ученый и богослов о. П. Флоренский посмотрел на личность писателя под совсем неординарным углом. Отмечая неприятие В. Розановым ни одной из существовавших философских систем, он поставил в прямую зависимость взгляды писателя от конкретных жизненных условий, определил его мировоззрение в значительной степени как производное от бытовых и материальных условий жизни: "Если бы действовать на него не логически, а психологически, то он (и это не было бы корыстно, расчетливо, а произошло бы само собою) стал бы говорить иное, хотя и не по существу, а по адресу. Например, если бы его приютил какой-либо монастырь, давал бы ему вволю махорки, сливок, сахара и пр., и пр., и, главное, щедро топил бы печи, то, я уверяю, В/асилий/ В/асильевич/ с детской наивностью стал бы восхвалять не этот монастырь, а по свойственной ему необузданности обобщений, чисто детских интуиций *ab exemplo ad omnia* (от частного к общему – А. Ч.) все монастыри вообще, их доброту, их человечность, христианский аскетизм и т. д. И воистину, он воспел бы христианству гимн, какого не слыхивали по проникновенности лирики" [3].

Неоднократно о своих ценностных приоритетах, об особенностях своего мышления говорил и сам В. Розанов. Он писал: "Я сам "убеждения" менял, как перчатки, и гораздо больше интересовался калошами (крепки ли), чем убеждениями (своими и чужими)" [Цит. по: 4]. Написанное им самим Розанов характеризовал так: "... Вывороченные шпалы. Шашки. Песок. Камень. Рытвины. – Что это? – Ремонт мостовой? – Нет, это "Сочинения Розанова..." [5]. Альтернативность мышления четко прослеживается на примере воображаемого диалога писателя с неким условным собеседником, отразившим в своих суждениях наиболее часто встречающиеся замечания розановских критиков: "– Сколько можно иметь мнений, мыслей о предмете?"

– Сколько угодно... Сколько есть "мыслей" в самом предмете: ибо нет предмета без мысли, и иногда – без множества в себе мыслей.

– Итак, по-вашему, можно иметь сколько угодно нравственных "взглядов на предмет", "убеждений" о нем?

- По-моему и вообще по-умному – сколько угодно.
- Ну, а на каком же это расстоянии времени?
- На расстоянии одного дня и даже одного часа. При одушевлении на расстоянии нескольких минут.
- Что же, у вас сто голов на плечах и сто сердец в груди?
- Одна голова и одно сердце, но непрерывно "тук, тук, тук"...
- Где же тогда истина?
- В полноте всех мыслей. Разом. Со страхом выбрать одну. В колебании.
- Неужели же колебание – принцип.
- Первый в жизни. Единственный, который тверд. Тот, которым цветет все, и все – живет. Наступи-ка устойчивость – и мир закаменел бы, заледенел" [Цит. по: 6]. Этот условный диалог предельно ясно показывает ценностные приоритеты В. Розанова и специфику его мышления.

Розановские мировоззренческие и творческие установки (бессистемность в суждениях, иррационализм, творческий протезизм, смысловой алогизм и т. п.), принципиальные для него, также нашли свое проявление и в подходе к характеристике и оценке личности и творчества Н. Гоголя, с которым он заочно дискутировал всю свою творческую жизнь.

В розановском осмыслении творчества Н. Гоголя можно выделить пять условных этапов (четыре дореволюционных и один послереволюционный). В хронологической последовательности эти этапы представлены следующими работами В. Розанова:

1) 1891–1894 г. – "Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского", "Пушкин и Гоголь", "Как произошел тип Акакия Акакиевича";

2) 1901–1902 г. – "М. Ю. Лермонтов: К 60-летию кончины", "Гоголь";

3) 1909 г. – "Загадки Гоголя...", "Гений формы", "Русь и Гоголь", "Один из певцов вечной "весны", "Магическая страница у Гоголя", "Гоголь и его значение для театра", "Отчего не удался памятник Гоголю";

4) 1913–1915 г. – "Опавшие листья. Короб 1-й", "Сахарна", "Опавшие листья. Короб 2-й и последний", "Мимолетное";

5) 1918 г. – "Апокалипсис нашего времени", "С вершины тысячелетней пирамиды", "Апокалиптика русской литературы", "Гоголь и Петрарка", письма.

В данной работе предпринята попытка анализа основных расхождений между В. Розановым и Н. Гоголем. Одним из них было разное осмысление ими природы бытия и человеческого существования, сущности Бога и места человека в мире. Ведь, в частности, активная полемика В. Розанова с критиками и философами его времени была вызвана именно его нетрадиционными взглядами на религию, христианство, веру.

Одна из основных линий спора между В. Розановым и его оппонентами заключается в определении "истинных" религиозных взглядов мыслителя. Диапазон таких характеристик довольно широк и противоречив: от причисления В. Розанова к язычеству, от некоего симбиоза язычества и христианства в его мировоззрении до определения религиозной системы философа как некоей религии пола и брака, религии быта. Взгляды В. Розанова преимущественно как языческие характеризовали Н. А. Бердяев [7], Д. В. Философов [8], Ж.-Б. Северак [9], а в более позднее время – Г. Гачев [10]. Исследователи розановской мировоззренческой системы А. К. Закржевский [11], К. Сахни [12], Н. Ф. Болдырев [13] и др. видят в ней некий синтез язычества и христианства, с периодическим доминированием то одного, то другого. Волжский (А. С. Глинка) [14] и В. А. Кувакин [15] характеризуют мировоззрение В. Розанова как мировоззрение мистического пантеиста, а А. Селивачев [16] и В. В. Зеньковский [17] утверждают, что он был приверженцем и апологетом иудаизма. Абсолютное же большинство исследователей розановской религиозно-философской системы ведут разговор о его религии как о религии пола, брака, семьи, одухотворяемого быта (Д. С. Мережковский [18], Н. Минский [19], А. Белый [20], З. Гиппиус [21], М. М. Тареев [22], К. И. Чуковский [23], В. Н. Ильин [24], Ю. Иваск [25], А. Д. Синявский [26], А. Н. Латынина [27], Е. В. Барабанов [28], Е. В. Белокоскова [29], В. А. Бойко [30] и др.). Некоторые из исследователей розановского мировоззрения выделяют поэтапное доминирование в нем в разное время тех или иных элементов различных религиозных направлений (А. Селивачев [31], Ж.-Б. Северак [32], В. В. Зеньковский [33], А. К. Закржевский [34] и др.).

Что же для В. Розанова Бог? Его Бог не похож ни на чьею другого. Божье, божественное всенепременно для писателя должно быть интимным, предельно субъективным, личностным. Бог В. Розанова – Бог экзистирующего субъекта: "Бог есть самое "теплое" для меня. С Богом мне "всего теплее". С Богом никогда не скучно и не холодно" [35]; "Мой Бог" – бесконечная моя интимность, бесконечная моя индивидуальность. Интимность похожа на воронку, или

даже две воронки. От моего "общественного я" идет воронка, суживающаяся до точки. Через эту точку-просвет идет только один луч: от Бога. За этой точкой – другая воронка, уже не суживающаяся, а расширяющаяся в бесконечность: это Бог. "Там – Бог". Так что Бог

1) и моя интимность

2) и бесконечность, в коей самый мир – часть" [36].

Более того, для В. Розанова сам Бог представляется двуполым: "Я все сбиваюсь говорить, по-старому, "Бог", когда давно надо говорить Боги; ибо ведь их два, Эло-гим, а не Эло-ах (ед. число). Пора оставлять эту навеянную нам богословским недомыслием ошибку. Два бога – мужская сторона Его, и сторона – женская" [37].

Отношение Н. Гоголя к религии, в частности, к православию, к вопросу о духе и плоти было диаметрально противоположным розановскому: то, что для В. Розанова совершенно не важно, второстепенно для Н. Гоголя первично, значимо. Известно, что Н. Гоголь, прежде всего, в последнее десятилетие своей жизни, все происходящее в земном мире определял как воплощение воли божьей, ко всему мирскому относился как к проявлению божественного. Соответствующим образом он осмысливал роль человека в этом мире и его место в обществе. Разумеется, что это осмысление было совершенно противоположным розановскому.

Действительно, перед Н. Гоголем все время стояла проблема нравственного самосовершенствования. Он видит свою греховность, осознает ничтожность человека в этом мире, все время боится совершить тот или иной поступок, даже мельчайшее действие. Даже для самого незначительного ему нужно благословение, которое должно исходить от авторитетнейших служителей Церкви. Он все время пытается услышать от своих духовных наставников великую христианскую истину, истину, помогающую человеку совершенствоваться, указующую на единственно верный путь в его земной жизни. В этом Н. Гоголь – ученик, послушник, духовный сын. Но Н. Гоголь в 1840-е годы не только духовный сын, но также, по меткому определению Е. Анненковой, и духовник, наставник, беспрерывно морализирующий и поучающий [38]. Он един в двух лицах, в зависимости от ситуации может выступать как в роли ученика, так и в роли учителя. Н. Гоголь – ученик перед Богом и учитель перед людьми. В частности, Е. Анненкова видит "учительство" Гоголя в том, что он пытался внедрить в русское общество апробированную на протяжении веков систему жизни и этических норм, но никогда полностью нигде не прижившуюся и нигде полностью не принятую людьми [39].

Н. Гоголь-учитель – морализатор и проповедник. Д. Овсяннико-Куликовский более ста лет назад охарактеризовал его как первого по времени представителя морализирующего направления в русской литературе [40], назвал его основоположником морализирующих, "проповеднических" течений в развитии общественной мысли [41].

Н. Гоголь в последнее десятилетие своей жизни непрерывно, в особенности это довольно явственно прослеживается в его переписке, читает поучения, наставления друзьям, родственникам, знакомым, принимает на себя функции наставника и, более того, иногда сравнивает свои поучения и наставления как бы с самими божественными, как бы исходящими от самого Бога. Сочинение нравственных наставлений занимало значительное место в духовных поисках Н. Гоголя в 1840 – начале 1850-х гг. Особенно показательным в этом плане является письмо писателя к гр. Луизе Вьельгорской: "Вы дали мне слово во всякую горькую и трудную минуту, помолившись внутри себя, сильно и искренно приняться за чтение тех правил, которые я вам оставил, вникая внимательно в смысл всякого слова, потому что всякое слово многозначительно и многого нельзя понимать вдруг. Исполнили ли вы это обещание? Не пренебрегайте никак этими правилами, они все истекли из душевного опыта, подтверждены святыми примерами, и потому примите их как повеление самого Бога" [42]. Н. Гоголь как бы принимает на себя функции посредника между Богом и людьми.

Для Н. Гоголя Бог всемогущ и всеблаг. Все земные страдания, какие были для Розанова неприемлемы ни в какой из форм своего проявления, для Гоголя есть испытания, посылаемые Богом людям, есть неременная ступень к благу и добру. Эти страдания должны приниматься людьми безропотно и покорно, переноситься ими не как страдания, а как проявление божьей милости к ним. Ведь сам человек для Н. Гоголя существо бессильное, целиком и полностью находящееся во власти Бога, он ничего не может без воли Бога изменить в земном мире. Физические и нравственные страдания Н. Гоголя в последние годы его жизни во многом определяли особенности его мировоззрения.

Оптимизм Н. Гоголя связан только с религией, с верой, с молитвой, ничто земное, не освященное Богом, не может изменить существующего уклада вещей. Молитва для Н. Гоголя то, что может хоть на как-то приблизить человека к постижению сущности божьей. Молитва есть единственное возможное средство избавления от страданий, средство смягчения этих страданий. Все улучшения и

своего физического и душевного состояния, и состояния других людей непременно увязываются писателем с волей Бога, с проявлениями его милости и блага.

Церковь для Н. Гоголя священна сама по себе, особенно церковь православная. Об этом неоднократно идет речь в "Выбранных местах из переписки с друзьями", в частности, в главах "Несколько слов о нашей церкви и духовенстве", "О том же", "Христианин идет вперед", "Просвещение", "Светлое воскресенье". Не церковь виновата в различных бедах, не историческое христианство, а люди не смогли полностью принять и правильно осмыслить учение церкви: "Эта (православная – А. Ч.) церковь, которая, как целомудренная дева, сохранилась одна только от времен апостольских в непорочной первоначальной чистоте своей, эта церковь, которая вся с своими глубокими догматами и малейшими обрядами наружными как бы снесена прямо с неба для русского народа, которая одна в силах разрешить все узлы недоумения и вопросы наши, которая может произвести неслыханное чудо в виду всей Европы, заставив у нас всякое сословье, званье и должность войти в их законные границы и пределы и, не изменив ничего в государстве, дать силу России изумить весь мир согласной стройностью того же самого организма, которым она доселе пугала, – и эта церковь нами незнаема! И эту церковь, созданную для жизни, мы до сих пор не ввели в нашу жизнь!" [43].

Предельно емко охарактеризовал отношение Гоголя к церкви Д. С. Мережковский. В исследовании "Гоголь: Творчество, жизнь и религия" он так говорит о представлении Гоголя о роли церкви в обществе: "... он (Гоголь – А. Ч.) хотел, чтобы (Церковь) научила его отделять нужное от ненужного, святое от грешного, божеское от бесовского, не только в искусстве, но и во всем вообще "мирском", "светском", "плотском", во всей живой плоти мира, во всей твари, еще не избавленной, но "совокупно стенающей об избавлении"; он хотел, чтобы Церковь научила отделять мир, который "весь лежит во зле", от мира, который Бог так возлюбил, что Сына Своего Единородного принес за него в жертву" [44].

Как видим, понимание и осмысление Розановым и Гоголем основных христианских постулатов, догматов веры, представление о земной сущности и предназначении человека было абсолютно противоположным. Это не могло не вызвать со стороны экспансивного Розанова целого ряда предельно отрицательных характеристик, относящихся к анализу личности и творчества автора "Мертвых душ".

Литература

1. Паперный В. Н. В поисках живого Гоголя / В. Н. Паперный // Связь времен. – М., 1994. – С. 29.
2. Ерофеев В. В. Розанов против Гоголя / В. В. Ерофеев // Ерофеев В. В. В лабиринте проклятых вопросов. – М. : Сов. писатель, 1990. – С. 107.
3. Флоренский П. А. О В. В. Розанове: Письмо М. И. Лутохину / П. А. Флоренский // В. В. Розанов: Pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. – СПб. : Издат. РХГИ, 1995.
Кн. 2. – 1995. – С. 316–317.
4. Кувакин В. А. Василий Васильевич Розанов: "Моя душа сплетена из грязи, нежности и грусти" / В. А. Кувакин // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. – 1989. – № 3. – С. 45.
5. Розанов В. В. Опавшие листья: Короб 1-й / В. В. Розанов // Розанов В. В. Уединенное. – М. : Республика, 1990. – С. 97.
6. Николюкин А. Н. Василий Розанов: "Хочу умереть с Русью" / А. Н. Николюкин // Диалог. – 1991. – № 3. – С. 11–12.
7. Бердяев Н. А. Христос и мир: Ответ В. В. Розанову / Н. А. Бердяев // В. В. Розанов: Pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. – СПб. : Издат. РХГИ, 1995.
Кн. 2. – 1995. – С. 25–40.
8. Философов Д. В. Рец. : Розанов. "Около церковных стен". Т. 1 и 2 / Д. В. Философов // В. В. Розанов: Pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. – СПб. : Издат. РХГИ, 1995.
Кн. 2. – 1995. – С. 5–15.
9. Северак Ж.-Б. Антихристианство г. Розанова / Ж.-Б. Северак // В. В. Розанов: Pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. – СПб. : Издат. РХГИ, 1995.
Кн. 2. – 1995. – С. 479–489.
10. Гачев Г. Три мыслителя: Леонтьев. Розанов. Пришвин: Главы из "Русской думы" / Г. Гачев // Московский вестник. – 1990. – № 8. – С. 197–214.
11. Закржевский А. К. Религия. Психологические параллели: В. Розанов / А. К. Закржевский // В. В. Розанов: Pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. – СПб. : Издат. РХГИ, 1995.
Кн. 2. – 1995. – С. 147–168.
12. Сахни К. Споры Розанова с христианством / К. Сахни // Studia Slavica. – 1994. – Т. 39. – Ф. 1–2. – С. 117–124.
13. Болдырев Н. Ф. Молитва по имени Розанов / Н. Ф. Болдырев // Волга. – 1994. – № 2. – С. 140–158.
14. Волжский. Мистический пантеизм В. В. Розанова / Волжский // В. В. Розанов: Pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. – СПб. : Издат. РХГИ, 1995.
Кн. 1. – 1995. – С. 418–455.

15. Кувакин В. А. Василий Васильевич Розанов: "Моя душа сплетена из грязи, нежности и грусти" / В. А. Кувакин // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. – 1989. – № 3. – С. 43–57.

16. Селивачев А. Психология юдофильства / А. Селивачев // В. В. Розанов: Pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. – СПб.: Издат. РХГИ, 1995.

Кн. 2. – 1995. – С. 222–239.

17. Зеньковский В. В. В. В. Розанов / В. В. Зеньковский // В. В. Розанов: Pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. – СПб.: Издат. РХГИ, 1995. – Кн. 2. – С. 357–369; Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа: В. В. Розанов / В. В. Зеньковский // Там же. – С. 370–379.

18. Мережковский Д. С. Розанов / Д. С. Мережковский // В. В. Розанов: Pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. – СПб.: Издат. РХГИ, 1995.

Кн. 1. – 1995. – С. 408–417.

19. Минский Н. О двух путях добра: два доклада, прочитанных в Петербургских религиозно-философских собраниях / Н. Минский // В. В. Розанов: Pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. – СПб.: Издат. РХГИ, 1995.

Кн. 1. – 1995. – С. 388–399.

20. Белый А. Отцы и дети русского символизма / А. Белый // В. В. Розанов: Pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. – СПб.: Издат. РХГИ, 1995.

Кн. 2. – 1995. – С. 74–77.

21. Гиппиус З. Н. Задумчивый странник: о Розанове / З. Н. Гиппиус // В. В. Розанов: Pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. – СПб.: Издат. РХГИ, 1995.

Кн. 1. – 1995. – С. 143–185.

22. Тареев М. М. В. В. Розанов / М. М. Тареев // В. В. Розанов: Pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. – СПб.: Издат. РХГИ, 1995.

Кн. 1. – 1995. – С. 52–73.

23. Чуковский К. И. Открытое письмо Розанову / К. И. Чуковский // В. В. Розанов: Pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. – СПб.: Издат. РХГИ, 1995.

Кн. 2. – 1995. – С. 126–134.

24. Ильин В. Н. Стилизация и стиль: Ремизов и Розанов / В. Н. Ильин // В. В. Розанов: Pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. – СПб.: Издат. РХГИ, 1995.

Кн. 2. – 1995. – С. 406–430.

25. Иваск Ю. О Розанове / пред. и публ. А. Н. Богословского / Ю. Иваск // Волга. – 1991. – № 5. – С. 119–142.

26. Синявский А. Д. С носовым платком в царствие небесное / А. Д. Синявский // В. В. Розанов: Pro et contra. Личность и творчество

Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. – СПб. : Издат. РХГИ, 1995.

Кн. 2. – 1995. – С. 444–478.

27. Латынина А. Н. "Во мне происходит разложение литературы": Розанов и его место в литературной борьбе эпохи / А. Н. Латынина // Вопросы литературы. – 1975. – № 2. – С. 169–205.

28. Барабанов Е. В. Василий Розанов: "Ненавижу цветные одежды" / Е. В. Барабанов // Наше наследие. – 1989. – № 6. – С. 43–46.

29. Белокоскова Е. В. Некоторые аспекты философии культуры В. Розанова / Е. В. Белокоскова // Исследования по истории русской философии. – М., 1995. – С. 57–71; Белокоскова Е. В. Розанов и Бергаков: предисловие к публикации / Е. В. Белокоскова // Логос. – 1996. – Вып. 7. – С. 184–190.

30. Бойко В. А. Мотив смешения полов в творчестве Розанова / В. А. Бойко // Гуманитарные науки в Сибири. Серия филологическая. – 1995. – № 4. – С. 39–45.

31. Селивачев А. Указ. соч. – С. 222–239.

32. Северак Ж.-Б. Указ. соч. – С. 479–489.

33. Зеньковский В. В. В. В. Розанов. – С. 357–369; Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа: В. В. Розанов. – С. 370–379.

34. Закржевский А. К. Указ. соч. – С. 147–168.

35. Розанов В. В. Уединенное / В. В. Розанов // Розанов В. В. Уединенное. – М. : Республика, 1990. – С. 48.

36. Там же. – С. 48.

37. Розанов В. В. Люди лунного света: метафизика христианства / В. В. Розанов – М. : Дружба народов, 1990. – С. 31.

38. Анненкова Е. И. Гоголь и декабристы / Е. И. Анненкова – М. : Прометей, 1989. – 174 с; Анненкова Е. И. Католицизм в системе воззрений Гоголя / Е. И. Анненкова // Гоголь : материалы и исследования. – М., 1995. – С. 22–49; Анненкова Е. И. Православие в историко-культурной концепции Хомякова и в творческом сознании Гоголя / Е. И. Анненкова // Вопросы литературы. – 1991. – № 8. – С. 89–105.

39. Кривонос В. Ш. "Демон-Гоголь": Гоголь глазами Розанова / В. Ш. Кривонос // Российский литературоведческий журнал. – 1994. – № 5–6. – С. 102.

40. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Н. В. Гоголь / Д. Н. Овсяннико-Куликовский – М. : Издат. И. Л. Овсяннико-Куликовской, 1902. – С. 10.

41. Там же. – С. 127.

42. Гоголь Н. В. Письмо к Л. Вьельгорской / Н. В. Гоголь // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. : в 14 т. – М., 1952.

Т. 12. – 1952. – С. 276.

43. Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями / Н. В. Гоголь // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. : в 14 т. – М., 1952.

Т. 8. – 1952. – С. 246.

44. Мережковский Д. С. Гоголь: Творчество, жизнь и религия / Д. С. Мережковский // Мережковский Д. С. Полн. собр. соч. – СПб. ; М. : Издат. товарищества М. О. Вольф, 1911.

Т. 10. – 1911. – С. 275.